

ОБРАЗ ВЛАСТИ В «ГУБЕРНСКИХ ОЧЕРКАХ» М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Постникова Екатерина Георгиевна

доктор филологических наук, доцент Магнитогорского технического университета им. Г.И. Носова
(Магнитогорск, Россия)

e-mail: ekaterinapost@mail.ru

Аннотация. Как утверждает автор статьи, в «Губернских очерках» М.Е. Салтыков-Щедрин вплотную подходит к исследованию темы власти. К исследованию властных отношений в обществе подключаются маркированные понятия дискурса Эпохи реформ «произвол» и «закон». Щедрин показывает отрыв власти от корней, «почвы», отказ от национальной мифологии и от христианского понимания власти при неизменном сохранении самой архаической традиции – дани в форме взятки.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин М.Е., мифопэтика, власть, мифология власти.

«Губернские очерки» стали началом щедринской «сатирической энциклопедии власти», как обозначил художественно-публицистическое наследие писателя исследователь В.В. Прозоров [Прозоров: 21]. «Губернские очерки» (1856-1857) считаются первым по времени крупным произведением М.Е. Салтыкова-Щедрина, принесшим ему всероссийскую славу. Сатирик вплотную подходит к исследованию такой разновидности власти, как власть политическая, т.е. к исследованию власти как социально-политического феномена, присутствующего во всех общественных отношениях и событиях, которые оказывают существенное влияние на жизнь социальной общности (общества) в целом.

«Губернские очерки», как известно, написаны Щедриным под впечатлением от службы в провинции, где он мог наблюдать реальную картину взаимоотношений между властью имущими и подвластными, характерную для России конца 1950 г. Время написания в данном случае имеет принципиальное значение. Созданные на переломе эпох (от феодально-крепостнической России Николая I к буржуазно-капиталистической империи Александра II), «Очерки» Щедрина стали этапным произведением не только в судьбе автора, но и во всей русской литературе. В это время к осмыслению и описанию властных отношений в обществе активно подключалась ставшая маркированным

понятием общественно-публицистического дискурса 1960 гг. оппозиция «произвол» – «закон». При этом слово «произвол» обозначало «представление о всякой властной позиции как полной и неограниченной власти над подчиненными» [Платт: 94]. Другая составляющая оппозиции, «закон», обозначала чаемый идеальный принцип устройства будущего российского общества – власть закона. С большой долей уверенности можно утверждать, что Щедрин не просто использовал характерную впоследствии для публичного дискурса «шестидесятых» оппозицию «произвол» – «закон», но и являлся одним из ее авторов-создателей, т.е. одним из тех публицистов, благодаря которым эти понятия стали маркерами дискурса эпохи социальных преобразований.

Неписанный этикет взаимодействия между соподчиненными элементами, установленный в «прошлые времена», требует от самых обделенных слоев общества безусловного, немотивированного подчинения властной воле. В случае отказа подвластный либо получает «в зубы», либо звучит сакраментальное «Марш» [Салтыков-Щедрин: 32]. Как показывает Щедрин, любой наделенный маломальской властью «чин» с чистой совестью использует эту власть для самообогащения. Отметим здесь, что в «Губернских очерках» Щедрин подходит к теме взяточничества как писатель-реалист, видя в нем системный порок бюрократического устройства рос-

сийского общества эпохи Николая I, знак времени. Мы указывали на то, что позднее в «Истории одного города» и в «Помпадуррах и помпадуршах» взятка будет подаваться уже как традиционная «дань», элемент сохранившейся в современной культуре архаической модели властного поведения («И будете платить мне дани многие») [Постникова: 22]. И в этом качестве она, к сожалению, скорее всего, задержится в русской общественно-политической культуре «навсегда». Особенно характерен в этом отношении эпизод, когда вновь прибывший на городничество Фейер заявляет заводчикам: «Вы, мол, так и так, платили старику по десяти рублей, ну а мне, говорит, этого мало: я, говорит, на десять рублей наплевать хотел. А надо мне три беленькие с каждого хозяина» [Салтыков-Щедрин: 30]. Когда «народ» отказывается, следует череда репрессивных мер, после чего обираемые вынуждены заплатить уже по пятьсот рублей.

В качестве «дани» нередко выступала пища. То, как именно стол (пищевые предпочтения и запреты) оформляет социально-политическую иерархию в обществе, Салтыков-Щедрин покажет в зрелой своей сатире, но на социальную функцию пищи художник обратил внимание уже в «Губернских очерках». Характерен диалог: «*Ты рыболов?* (...) *А начальство знаешь?* (...) И являлась рыба, и такая именно, как быть следует, во всех статьях» [Салтыков-Щедрин: 27]. В этой

иронической зарисовке Щедрин показывает просто «магическое» действие образа «начальника» на подвластного «мужичка». Стоит только назвать имя власти («начальник»), и «дань» уже у его ног.

Несколько выпадают из общего контекста книги очерки, объединенные в главу «Юродивые». Написаны эти очерки в характерной для зрелого Щедрина манере. Их уже можно считать острейшей политической сатирой на административную элиту российского общества. В главе «Юродивые «Губернских очерков» Щедрин показал российское общество как общество жесткой социально-политической иерархии, скрепленной властными отношениями, в основе которых лежат эмоции страха и благоговения («...горделивая осанка непременно *внушает уважение и некоторый страх*») [Салтыков-Щедрин: 262].

Взяточничество процветает и в этой «высшей» сфере, но оно здесь более узаконено, рафинировано, носит лоск просвещенности и пронизано «принципом чистой творческой администрации»: «У нас не взятки, а администрация» [Салтыков-Щедрин: 259]. И в этой сфере российского общества взятка воспринимается как нечто само собой разумеющееся, должное: «Я требую только должного» [Салтыков-Щедрин: 259]. Взятка трактуется как долг общества «администратору», которому по должности необходимо обладать определенным набором символов и знаков

власти. В качестве таких символов и знаков выступают вполне материальные ценности (знаки богатства). «Я хочу иметь и хорошую *сигару*, и *стакан доброго шатодикема*; я должен – вы понимаете? – *должен* быть прилично одетым; мне *необходимо*, чтоб у меня в доме было все комфортабельно (...) *иначе какой же я буду администратор?*», – заявляет герой [Салтыков-Щедрин: 260]. Отметим, что Щедрин совершенно неслучайно так подробно описывает знаки власти. Писатель обратил внимание на стремление русской власти к символизации своего статуса. Описанные выше знаки власти не просто маркируют ее, но и организуют, оформляют, а зачастую и заменяют ее.

В следующих словах администратора есть своя логика, которая только на первый взгляд может показаться смешной или даже абсурдной: «Каким образом буду я заниматься разными филантропическими проектами, если голова у меня не свободна, если я должен всечасно о том только помышлять, чтобы *как-нибудь наполнить свой желудок*? (...) *Хороший обед, хорошее вино* проливают в душу спокойствие, располагают ее к дружелюбию, сообщают мысли ясность и прозрение. Сами согласитесь, могли ли бы мы с вами так хорошо беседовать, если б мы *наелись, как ямщики на постоялом дворе, до отвала щей и каши?*» [Салтыков-Щедрин: 260]. Здесь речь идет не просто о сытости, а о сытости особого рода. В данном случае «стол» служит инди-

катором социально-политической иерархии. «Сытость» администратора существенно отличается от «сытости» ямщика. Для русской власти «щи да каша» – пища принципиально «не наша».

Важно, что уже в «Губернских очерках» Салтыков-Щедрин не просто «разоблачает» взяточников и взяточничество как системный порок российского общества «прошлых времен», вариант «произвола», но и пытается понять глубинные причины этого явления. Ставится вопрос: «Но почему же они берут? Почему они берут, спрашиваю я вас?» [Салтыков-Щедрин: 266]. Один из вариантов ответа на этот вопрос дает представитель власти. Читаем: «Не потому ли, что *чиновник все-таки высший организм* относительно всей этой массы? ... Следовательно, все это, что ни существует, *оправдывается и исторически, и физиологически, и этнографически...*» [Салтыков-Щедрин: 266]. С точки зрения «озорника», такое поведение чиновников оправдано и исторически, и даже этнографически и связано именно с наличием в обществе феномена власти, организующего социально-политическую иерархию. Таким образом, сатирик уже в первом своем крупном произведении близко подходит к мысли о том, что явление «взяточничества» в русском обществе может как-то быть связано с традиционной политической культурой, с архаическими формами организации властных отношений. В таком случае, взятка

– это «дань», приносимая властителю. Хотя, конечно же, сам писатель не был готов ее «оправдывать» ни исторически, ни физиологически, ни этнографически.

В главе «Озорники» Щедрин показывает отрыв власти от корней, «почвы», отказ от национальной мифологии. Получив европейское образование, по верхушкам схватив несколько новомодных идей Канта и Гегеля о Государстве, молодой администратор заявляет: «Когда я был очень молод, то имел на *предстоящую мне деятельность весьма наивный и оригинальный взгляд. Я мечтал о каких-то патриархальных отношениях, о каких-то детях*, которых нужно иногда вразумлять, иногда на коленки ставить. Хороши дети! Согласитесь, по крайней мере, что если и есть тут дети, то, во всяком случае, *se ne sont pas des enfants de bonne maison* [это не дети из хорошей семьи (*франц.*)]» [Салтыков-Щедрин: 262]. Администратор декларативно заявляет отказ от «отцовства» власти, от ответственности за «малых сих», т.е., по сути, от христианской концепции власти в пользу новомодных европейских теорий, которые совершенно не работают на русской почве. Власть «Отца» подменяется «принципом чистой творческой администрации», некой бездушной, бездуховной, всюду проникающей и все схематизирующей силы, а государство превращается в «машину».

Как показывает Щедрин, русский народ еще не понял, что во власть пришло «новое»

поколение управленцев, забывших старые принципы властных отношений, опиравшиеся когда-то на христианские концепции местничества (Властитель как живой образ сакрального первообраза – Иисуса Христа) и отцовства (Бог-Отец // Царь-отец) власти. «Мужички» же по старинке воспроизводят поведенческие модели, характерные для патриархальной культуры. Так, очередной «Куземка или Прошка» приходит к «озорнику» искать «Правду», обращаясь как «к последней надежде», падает ему в ноги, целует их и плачет. «Просвещенный» администратор просто выгоняет его, даже не пытаясь вникнуть в дело. По всей видимости, современные властители из «старых» правил властных отношений оставили лишь самую архаичную традицию – дань в форме взятки.

При этом хорошо знающие народ местные чиновники, имея целью собственное обогащение, в общении с ним опираются на архетипические конструкции, заложенные в национальном менталитете, например, на архетип «батюшки-царя». В «Первом рассказе подьячего» «приказной» повествует о том, как им, проигравшимся в карты «молодцам», начальник по-отечески разрешал собирать «подати» в свой карман. Крестьянскому сходу такой «мздоимец» заявляет: «Ну, мол, ребяташки, выручайте! *Царю-батюшке* деньги надобны, давайте подати (...) Э-Э-Эх, ребяташки, да как же с *батюшкой-царем-то* быть! Ведь ему деньги надобны; вы бы нас,

своих начальников, пожалели» [Салтыков-Щедрин: 18]. И крестьяне отдают последние деньги.

В литературоведении существует расхожее мнение о том, что в период написания «Губернских очерков» Салтыков-Щедрин еще верил в возможность реформирования общества «сверху», перевоспитания его в духе либерализма и уважения к человеческим правам и свободам. Он верил в возможность построения руками служащих, просвещенных чиновников будущей России, в которой бы царил «Закон» и был бы наказан «Произвол». Тем более неожиданным кажется появление в главе «Юродивые» очень неоднозначного образа молодого чиновника Михаила Трофимыча, прозванного «неумелым». Изначально заявляется, что этот чиновник относится к «новому», прогрессивному типу русских деятелей, устремляющихся из столицы в глубинку, дабы «просветить» и «спасти», установить новые порядки, власть Закона и отменить власть Произвола. Характерно это типичное для публичного дискурса эпохи глобальных социальных перемен противопоставление «нового» («молодого») и «старого». О таких, как Михаил Трофимыч, один из героев Щедрина говорит: «...вот нынче пошел совсем *другой сорт чиновников*: все больше *молодые*» [Салтыков-Щедрин: 252]. Взятки «новые» не берут, а о взяточниках имеют такое мнение: «Этих, говорит, *старых мерзавцев да клязников* всех давно бы уж

перевешать надо. От них, говорит, и правительству тень» [Салтыков-Щедрин: 252].

Особого комментария заслуживает следующая тирада «нового»: «А оттого, говорит, все эти мерзости, что *вы*, говорит, *сами скоты*, все это терпите; кабы, мол, вы разумели, что подлец подлец и есть, что его подлецом и называть надо, так не смел бы он рожу-то свою мерзкую на свет божий казать. А то, дескать, и того-то *вы, бараны*, не понимаете, что *не вы для него* тут живете, чтоб брюхо его богомерзкое набивать, а *он для вас от правительства поставлен*, чтобы вам хорошо было!» [Салтыков-Щедрин: 253]. Идея о том, что не народ существует для власти (закона), а власть (закон) – для народа, стала общим местом реформаторского дискурса. Герой, декларирующий подобные идеи, должен быть идентифицирован как носитель актуальной для эпохи «шестидесятых» либеральной мифологии, как рупор, через который транслируется правительственная политика. Но имеющий определенный жизненный опыт рассказчик замечает содержащуюся в этом образце звонкой реформаторской риторики «изнанку», «обратную сторону медали». Как же так получается, что яркий представитель просвещенной элиты, ратующий за права граждан, этих самых граждан иначе как «скотами и баранами» не именует? «А ты вот мне что скажи: говоришь ты, что не мы для него, а *он для нас поставлен*, а самих-то ты нас, ваше благородие, *и скотами и баранами*

обзываеть – как же это так?», – удивляется рассказчик [Салтыков-Щедрин: 253]. Так, простой, близкий к народному сознанию рассказчик – мещанин Голенков – обнаруживает курьезную культурную двойственность «новых» чиновников от правительства и их личной философии. Позднее в своем творчестве Щедрин покажет эпоху реформ как период наложения, хаотического смешения социальных миров «прошлого» и «настоящего».

Но уже в «Губернских очерках» Щедрин показывает, как трудно человеку отказаться от старых моделей видения и понимания мира. Мы наблюдаем, как самый просвещенный, «честной и хороший» чиновник в своем общении с народом абсолютно не гнушается воспользоваться «дедовскими» методами: дать в «зубы» ямщику считается нормой («и ручонки у него словно сучатся, а кулачонко-то такой миниятюренький, словно от картофелина» [Салтыков-Щедрин: 253]). Благоприобретенная прогрессивность не мешает «новому» чиновнику воспроизводить традиционные поведенческие стереотипы русской власти. Напомним здесь, что с традиционного «зашибания ямщиков» будут начинать свою деятельность почти все градоначальники в «Истории одного города». Комментируя ситуацию, герой сделает такой вывод о поведенческих привычках русской власти: «Нет-с, верно, *так уж они все сформированы*, что у всякого, то есть, *природное желание есть руками-то вперед*

совать» [Салтыков-Щедрин: 255]. «Так какая же у него от других-то отличка?», – задает резонный вопрос рассказчик. Читатель незаметно подводится к непопулярному и нехарактерному для общественно-политического дискурса «шестидесятых» выводу о том, что «старое» и «новое», по сути, одно и то же. Так оказывается, что «Закон» невозможно отличить от «Произвола».

Автор фиксирует ситуацию культурного конфликта между христианским народным пониманием власти и содержащим в себе парадоксальную двойственность пониманием роли и функции власти современной элитой. Воспитанные в секуляризованной культуре, пропитанные новомодными европейскими идеями, чиновники от правительства почему-то вновь и вновь воскрешают традиционные схемы властного поведения (держат народ «в страхе», «берут дань»). Как уже отмечено выше, народ «прогрессивными» властью имущими продолжает восприниматься как «скот», стадо «баранов». Глубокий смысл содержится в рассуждениях рассказчика: «Теперича я, примерно, так рассуждаю: коли у *скотского*, *то есть, стада пастух*, *так пастух он и будь*, и не спрашивай он у барана, когда ему на водопой рассудится, а веди, когда самому пригоже. Коли мы те же бараны, так, стало, и нам в эвто дело соваться не следует: веди, мол, нас, куда вздумается!» [Салтыков-Щедрин: 253]. По сути дела, здесь рассказчик напоминает оппоненту, что есть

другое, христианское понимание образов стада и пастуха. В Библии пастух и стадо метафорически описывают властные отношения в человеческом обществе. Так, в Евангелии от Иоанна встречаем образ пастыря доброго, за которым стоит сам Иисус и его последователи, то есть духовная власть: «Я есмь пастырь добрый: *пастырь добрый полагает жизнь свою за овец*» (Ин., 10:11).

Воспитанные же в духе европейского либерализма, «новые» управленцы забыли эти, еще живущие в памяти народа, укоренившиеся в его менталитете образы. Для них народ – это просто бездушный скот, но при этом они отмахиваются от идеи ответственности, которую «пастырь» несет перед Богом за «стадо» «малых сих».

Итак, мы увидели, что в «Губернских очерках» Щедрин вплотную подошел к теме «власть – народ», подключив к исследованию властных отношений в обществе маркированные понятия дискурса эпохи социальных преобразований «произвол» – «закон». В «Губернских очерках» Щедрин подходит к теме взяточничества как писатель-реалист, видя в нем системный порок бюрократической культуры российского общества эпохи Николая I, знак времени. Но уже в этом первом произведении Щедрина, принесшем ему всероссийскую славу, можно увидеть намек на то, что взятка – это своеобразная традиционная «дань», рудимент сохранившейся в современной культуре архаической модели

властного поведения. В главе «Юродивые» Щедрин показывает отрыв власти от корней, «почвы», отказ от национальной мифологии и от христианского понимания власти при неизменном сохранении самой архаической традиций – дани в форме взятки. Наделенные властью «Озорник» и «Неумелый» являются предшественниками целого ряда сатирических образов – градоначальников и помпадуров – М.Е. Салтыкова-Щедрина. В этой главе мы можем впервые обнаружить подмеченную Щедриным курьезную культурную двойственность «новых» чиновников от правительства и их личной философии. Благоприобретенная прогрессивность не мешает «новым» управленцам воспроизводить традиционные поведенческие стереотипы русской власти. Мы можем утверждать, что уже в «Губернских очерках», являющихся вершиной щедринского реализма, в зародыше, в потенциале содержится характерная для зрелого сатирика парадоксальная ирония, подрывающая основы общественно-политического дискурса 1960 гг.

Литература

Платт, К. История в гротескном ключе. Русская литература и идея революции / Перевод с англ. М. Маликовой. СПб.: Академический проект, 2006.

Постникова, Е.Г. Роль пищевых и сексуальных табу в жизни глуповского общества («История одного города» М.Е. Салтыкова-

Щедрина) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 3. С. 20–32.

Прозоров, В.В. Власть и свобода журналистики: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.

Салтыков-Щедрин, М.Е. Губернские очерки // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. В 20 тт. М.: «Худ. литература», 1973. Т. 2.

References

Platt, K. (2006). *History in a grotesque key. Russian literature and the idea of revolution* (M. Malikova, Trans). SPb.: Academic Project (in Russian).

Postnikova, Y.G. (2011). Rol' pishchevykh i seksualnykh tabu v zhizni glupovskogo obshchestva ("Istoriya odnogo goroda" M.E. Saltykov-Shchedrin [The role of food and sexual taboos in the life of Glupovsk society ("The Story of One City" M.E. Saltykov-Shchedrin)]. *Herald of Moscow State University for the Humanities named after M.A. Sholokhov*, 3, 20–32.

Prozorov, V. (2012). *Vlast' i svoboda zhurnalistiki* [Power and freedom of journalism]. Moscow: Flinta.

Saltykov-Shchedrin, M.E. (1973). *Gubernskie ocherki* [Provincial sketches]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

**ARTISTIC IMAGE OF POWER IN THE «PROVINCIAL SKETCHES»
OF M.E. SALTUKOV-SHCHEDRIN**

Yekaterina G. Postnikova, PhD, Associate Professor of Magnitogorsk Technical University named after G.I. Nosov (Magnitogorsk, Russia), e-mail ekaterinapost@mail.ru.

Abstract. The author states that in his “Provincial sketches” M.E. Saltykov-Shchedrin performs an in-depth research into the topic of power. The discourse concerning epoch of reforms had marked concepts, such as “abuse of power” and “law”. These concepts are involved in the study of power relations in society. Shchedrin shows the separation of the authorities from the roots and ground or native populace, their dismissal of the national mythology and renunciation of the Christian concept of power, while keeping alive the archaic tradition of tribute in the form of bribery.

Key words: Saltykov-Shchedrin, mythopoetics, power, mythology of power.

